

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Если бы балка упала на другую девушку, дело отдали бы не Волину, а кому-то другому. Если бы девушка была та же, но пришибло ее в другом месте, то Орест Волин, опять же, был бы не при делах. Но балка упала, как говорится, здесь и сейчас: и девушка была та, и дом тот самый — так что расследовать назначили именно его.

— Это ваши богемные фокусы, — сказал полковник, не глядя на Ореста, — тебе и разбираться.

Что богемного было в том, что на какую-то тетюшку упала балка и даже не на тот свет ее отправила, а просто машину помяла? Постороннему человеку уяснить это было трудно, почти невозможно. Но Волин знал, что в злосчастном доме живет известная певица... как же, дай бог памяти, ее зовут? Очень, очень известная, звезда, одним словом... Ну, все же ее знают, она еще песни такие поет... душещипательные. Вот это вот все, ми-мэ-мо, ми-ми-ми...

Одним словом, балка должна была вдарить именно по ней, по певице этой — то ли за пение ее, то ли за другие какие заслуги. Дело в том, что на этом самом месте, куда все упало, звезда наша обычно

и парковала свою машину, свой скромный «бентли» цвета металлик. А в этот раз звезды тут не оказалось, зато приехала совсем чужая тетя и припарковалась на певицыном месте. Она же дура, тетя эта, она не понимает, что ей здесь не лихие девяностые. В десятых годах XXI века, то есть сегодня, ей за наглость так могло прилететь от серьезных людей, что даже подумать противно. Просто даже страшно представить, что с ней могли за это сделать серьезные люди. Вполне могли, например, маникюром весь макияж расцарапать... Или кофточку дорогую разорвать на британский флаг. Но злополучная тетя ничего такого не знала и поставила машину, где было свободно.

— Не тетя, а девушка, — перебил Волина полковник, — женщины с такими деньгами всю жизнь в девушках ходят. И ты не вздумай к ней со своей этой «тетей» лезть, человек и так травмирован по самое не могу. А то я тебя знаю, ляпнешь что-нибудь... Общайся с потерпевшей уважительно.

Уважительно — это как? По отчеству, что ли?

— Не надо по отчеству, — раздражался полковник, — ты не пятиклассник, а она не завуч. Зови ее... как там фамилия... зови «госпожа Кезьмина».

Госпожа? Это что за садомазо при исполнении обязанностей? Может, к ней теперь с хлыстами прийти и в черных кожаных штанах? Вот уж весело пойдет допрос, даже не сомневайтесь. Впрочем, этого Волин решил не говорить: полковник был человек старой закалки и шуток таких понимать не мог по самому устройству своей души.

— Главное, машина была той же марки, — толковал полковник. — Так что убийца — если это был

убийца — вполне мог и перепутать. Хотел убить певицу, а попал в Кезьмину.

Отлично перепутал, ничего не скажешь. Тетю эту... тьфу, не тетю, госпожу Кезьмину увезли в больницу с переломами, а Волин теперь расследуй. Как будто других дел мало. Он представил, как будет допрашивать Кезьмину, поигрывая хлыстом, потом пойдет к певице, как на вопрос, подозревает ли она кого-то, та выкатит полный список от Филиппа Киркова до рэпера Басты. Все же ей завидовали, все убить мечтали.

Эх, друзья, до чего же похабное дело... Да еще и дом такой, прямо всё один к одному.

— Там, кажется, Булгаков жил, в доме этом, — проявил эрудицию полковник.

Да не жил — бывал там. В этом доме после революции знаменитая Зойкина квартира образовалась, а попросту — бордель для нетрудового элемента. Чего туда, кстати, ходил Булгаков, непонятно. Репортажи, наверное, писал. В газету «Гудок». Так сказать, взгляд с места событий. Журналист меняет профессию и все в таком роде. Короче, хаживал туда Булгаков, что греха таить, хаживал. И это ему теперь поминают все — вплоть до последнего школьного учителя.

Вот тоже, между нами сказать, дался им этот Булгаков. Теперь каждое место, где он бывал, вызывает дикий интерес. Как будто не он один там отметился, а вместе со всеми его знакомыми чертями. И будто бы черти эти всюду что-нибудь да оставили: где клад, где ведьму голую, из кухни выглядывающую, где просто сто рублей — мелочь, а приятно.

— Короче, — подытожил полковник, — ноги в руки — и вперед. И не затягивай, дело-то резонанс-

ное. Газеты как начнут вопить, только держись. Эти еще, как их... соцсети. Тоже великосветским поведением не порадуют. Раскрывай, одним словом, в кратчайшие сроки. Этого от тебя ждет отчизна, и этого она тебе по гроб жизни не забудет.

* * *

Место происшествия Волин решил осмотреть сам, операм не доверился. И правильно не доверился. Балка выпала с верхнего этажа как раз, когда там работала строительная бригада, реконструировала дом. Предстоял разговор с трудовыми мигрантами, а такие разговоры лучше вести самому. Опера обычно запугают бедного гастарбайтера так, что он маму родную не может вспомнить — не то что с повинной прийти.

Когда Волин явился, строители как раз обедали, сидя на пятом этаже. На верхний, откуда упала балка, пока никого не пускали. Строителей было шесть человек — бригада. Волин окинул публику опытным взглядом. Судя по всему — киргизы. Это неплохо, их на разговор легче вызвать, чем, например, таджиков. Киргизы вообще в России лучше адаптированы, у них тут своя инфраструктура, начиная от зубокабинетов и кончая ночными клубами. Даже, кажется, театр есть киргизский, передвижной.

При появлении Волина киргизы перестали стучать ложками по мискам, выжидательно уставились на пришедшего. Смотрели по-разному: кто спокойно, кто робко, а один — нахально и даже с вызовом. Нахальных Волин знал хорошо, им лишь бы выпендриться на ровном месте. Но он хорошо понимал,

как таких укрощать. Два волшебных слова: «ЦВСИГ Сахарово», и, глядишь, дерзкий гастер уже поплыл. Кому охота полгода, а то и больше париться в тюрьме для мигрантов? К тому же выход оттуда обычно один — на гастарбайтерскую родину, с запретом на въезд в Россию. Так что давай, мигрант, сверкай глазами, это даже на пользу делу — легче расколешься, если что. Но для него, Волина, главное сейчас — вежливость и взаимная симпатия.

— Саламатсызбы, — поприветствовал Орест киргизов. — Не угостите гостя пловом?

Народ засмеялся, расслабился, стал подвигаться, давая место. Старший наложил Волину плова в жестяную миску, дал алюминиевую ложку. Волин попробовал: так себе плов, но для гурманов рестораны имеются, простым работягам не до кулинарных изысков.

Стал расспрашивать про жизнь: нормально ли платят, не обижает ли хозяин, не прессует ли полиция? Вопросы были самые правильные, потому что где-то в человеке всегда сидит обида, а где обида, там и исповедь, а где исповедь, там и доверие. Послушал Волин, покивал, посочувствовал, кое-что даже записал, обещал разобраться. Понемногу от жизненных проблем перешел к производственным. Спросил, кто в тот день работал на верхнем этаже, когда именно балка упала и так далее. Оказалось, что в этот день наверху работали все, но балка свалилась как раз в обеденный перерыв, когда никого на рабочем месте не было.

Волин кивнул: это разумно, что балка упала в перерыв. Если бы в разгар работы, у всех на глазах, это значило бы, что вся бригада в сговоре, что круговая

порука у них. А так гораздо проще — кто-то один подготовил и в нужный момент спихнул. Осталось только понять, нет ли у кого проблем с мочевым пузырем и не отлучался ли человек в туалет слишком часто, покидая дружную компанию для своих интимных целей. Но этот деликатный момент надо с глазу на глаз выяснять, потому что публично позорить человека перед властями товарищи не захотят.

Волин поблагодарил за плов, отошел в сторону с бригадиром. Выяснилось, что мочевой пузырь у всех отменный, хоть на парад с таким отправляйся. Никто никуда не отлучался ни во время обеда, ни до него. Ну ладно, поглядим, что осмотр даст.

Лестница на верхний этаж была перекрыта лентой — чтобы не таскались кому не надо. Преступника, как известно, хлебом не корми, дай только на место преступления вернуться да все улики со следами затоптать. Волин перелез через ленту, добрался до места, откуда балка вывалилась. Снизу ничего было не понять, уж больно высоко располагалась балка — там теперь зияла просто пустота, как от выбитого зуба. Волин вздохнул, огляделся по сторонам, подтащил старый стул, который маляр для своих надобностей использовал. Поставил, влез, подпрыгнул, зацепился пальцами, подтянулся и заглянул в проем от балки. Ничего кроме пыли там не наблюдалось. Впрочем, нет, наблюдалось еще кое-что. Орлиным следовательским глазом Волин разглядел сбоку кусок чего-то желто-коричневого. Желто-коричневое пряталось в полый стене, слева от того места, где была балка. Попытка зацепить неизвестный предмет рукой не удалась, только рукав испачкал. Следовало браться за дело с другой стороны.

Он отправился к строителям, взял у них лом, схватил пару пустых ящичков и вернулся обратно. Поставил ящик на ящик, сверху стул — и вскарабкался на него. Вот теперь можно было орудовать спокойно. Впрочем, выковырять клад все равно не удавалось — лом просто не вставал под нужным углом. После нескольких неудачных попыток Волин остановился, подумал немного и стал бить ломом прямо в стену рядом с балкой. Кирпичи здесь отходили легко, как будто их специально посадили на слабый цемент.

Наконец дыра стала достаточной, чтобы заглянуть внутрь. Волин и заглянул, и увидел деревянную коробку. Не без труда вытащил ее наружу.

— Пещера Али-Бабы, — заметил Волин, оглянувшись. С лестницы за ним осторожно подглядывали гастарбайтеры.

Волин спрыгнул на пол, открыл коробку и обнаружил стопку старинных ученических линованных тетрадей.

— Бумага, — громко сказал он и в доказательство даже помахал тетрадью в воздухе. — Ничего интересного.

На лестнице раздался разочарованный вздох, и строители растворились. Ну, и хорошо, ну и правильно, а то вдруг бы решили, что он на самом деле клад нашел — никаким ломом не отмахнешься. Впрочем, может, это и есть клад, только с неожиданным содержимым.

На обложке верхней тетради было написано от руки дореформенными буквами: «Дѣло Зили-султана». Волин осторожно открыл тетрадь, взору его представились мелко исписанные аккуратным быстрым почерком страницы. Однако тут его ждало

разочарование. Этот аккуратный почерк, эти каллиграфические знаки прочесть было невозможно: дневники велись стенографической записью.

Волин перелистнул несколько страниц, убедился, что вся тетрадь состоит из нечитаемых загогулин, хмыкнул и решительно положил ее обратно в коробку. Кроме того, в ящике лежала какая-то карта, но понять, что это за карта и к чему она тут, было совершенно невозможно.

Коробку с тетрадками и картой он отвез на работу и спрятал в сейф. Но приобщать к делу в качестве вещдока пока не стал — такие находки хорошо бы сначала изучить самому, а там уже решать, что тут вещдок, а что случайно в руки попало.

* * *

Закончив рабочий день, он взял первую тетрадку и поехал домой. Остаток дня у него ушел на сканирование. Сканировать пришлось осторожно — от времени бумага совсем обветшала, того и гляди начнет распадаться прямо в руках. Закончив сканирование, Волин заархивировал документ, зашел в почту, набрал знакомый адрес и написал:

«Дорогой Сергей Сергеевич! Недавно, расследуя одно дело, я обнаружил тетрадки со стенографическими записями. Разобрать их я не в состоянии. Правда, на первой тетрадке есть заглавие: «Дѣло Зили-султана». Судя по изношенности тетрадей и по тому, что заголовок написан старой орфографией, писалось это все либо еще до революции, либо сразу после нее — до того, как прошла реформа. Интуиция подсказывает мне, что записи эти могут иметь инте-

рес не только для меня, но и для вас как историка. Зная вашу высокую квалификацию, могу ли я обратиться к вам с нахальной просьбой помочь мне все это расшифровать или хотя бы начать расшифровку, чтобы можно было понять, о чем вообще идет речь?»

Подумал и приписал: «Записи приаттачены в архиве. Заранее благодарен. Ваш Орест».

Прикрепив к письму архив, он отправил письмо адресату и с чистым сердцем лег спать.

* * *

Сергей Сергеевич Воронцов, которому Волин отослал письмо, был генерал-майором КГБ в отставке, историком советских и российских спецслужб. По роду его занятий приходилось ему сталкиваться как с разными видами шифровок, так и различными стенографическими системами. Конечно, можно было бы поискать специалиста на стороне или в самом Следственном комитете. Но зачем искать на стороне, если есть проверенный человек, которого ты знаешь сто лет и которому самому все это может быть интересно?

Однако выспаться как следует Волину не удалось. Он не учел, что генерал, как это принято у людей пожилых, встает на рассвете и сразу смотрит почту. Не прошло и нескольких часов, как Волина разбудил телефонный звонок. На том конце был Сергей Сергеевич.

— Интересную штуку ты нашел, — буркнул генерал, не здороваясь. — И насчет времени угадал. Датирую дневник 1918 годом. А сама история, которая тут рассказывается, относится к 1886 году. Это записки

одного очень известного в узких кругах человека. Здесь он зовет себя надворный советник, но мы его знали под настоящим именем.

— Каким? — любопытно спросил Волин. — И зачем он вообще прятал эти свои дневники, зачем шифровал их?

Однако генерал продолжал, словно бы и не слышал вопроса:

— Я тут посидел немного и перевел вступление. Давай-ка мы с тобой так сделаем. Мне нужно несколько дней, чтобы все это расшифровать. Потом я тебе посигналю. Приедешь — поговорим.

И, не прощаясь, повесил трубку. Заинтригованный Волин только головой покачал. Впрочем, во всей этой истории был для него и практический смысл. Видимо, таинственный надворный советник выдолбил стену прямо рядом с балкой, чтобы спрятать там свои дневники. Странно, что балка после этого вообще столько лет продержалась и не прибила кого-нибудь еще в советские годы. Зато теперь понятно, что никто ни на кого не покушался. Стенку выдолбили, наспех заделали ее кирпичами, а рядом с балкой образовалась пустота, из-за чего, в конце концов, балка и вывалилась. Проще пареной репы, так и скажем полковнику.

* * *

Однако к госпоже Кезьминой и к певице Волин все-таки решил съездить. Потому что догадки догадками, а расследование расследованием.

Кезьмина лежала в одноместной палате с загипсованной ногой и готовилась к операции. Увидев сле-

дователя, начала кричать так, как будто это лично он, Орест Волин, бросался в нее балками и продолжает делать это прямо сейчас. Перебить ее никак не удавалось, и Орест некоторое время молчал, делая вид, что слушает, а сам думал, что тут, пожалуй, действительно не помешали бы хлысты, а заодно и кляп в рот. Наконец фонтан Кезьминой несколько поиссяк, и Волин успел спросить, как она оказалась на парковочном месте певицы?

— Ну я же не знала, что это ее место! — снова взорвалась Кезьмина. — Я же приехала, чтобы купить древнюю китайскую вазу эпохи Мин. Там же напротив музей Востока, и там лавка, где продают древний эксклюзив. Там мне обещали очень и очень редкую вазу. Но у нас же невозможно нигде припарковаться, у нас же не город, а какой-то базар. Я ездила, ездила и вот нашла наконец. И тут мне — бац!

— Бац? — переспросил Волин. И задумчиво, как бы для себя, добавил: — А также хрусть, пополам...

Она посмотрела на него подозрительно.

— Что это такое? Какое хрусть-пополам? Вы что говорите?

— Я это к тому, что нога у вас сломалась... — спохватился он.

— А у вас бы не сломалась нога?! — завизжала Кезьмина. — У кого бы не сломалась нога в такой ситуации? У слона? Или у бегемота? Мне еще машину разбили, а такой случай страховкой не предусмотрен.

Не сразу Волин улучил удобный момент, чтобы откланяться и сбежать из больницы. С Кезьминой было все ясно, она оказалась на месте падения балки случайно, никто не мог заранее знать, что она при-

паркует там автомобиль. Таким образом, версия, что охотились на Кезьмину, отпадала.

Теперь предстоял поход к певице, с которой он договорился о визите еще накануне вечером. Ехать пришлось за город, на дачу.

Волин сам вышел из артистической — и не бедной — семьи, но в таких коттеджах бывать ему приходилось нечасто. Один бассейн на первом этаже чего стоил. Следовательского заработка Волина не хватило бы, пожалуй, даже на то, чтобы оплатить воду в этом бассейне. Оставалось только порадоваться за звезд отечественной поп-сцены — в такой дом и Элтона Джона не стыдно поселить.

Сама певица оказалась очень милой женщиной — внимательной и гостеприимной. Она угостила Волина каким-то совершенно замечательным чаем, от которого он почему-то опьянел, но не по-плохому, чтобы снять штаны и бегать по потолку, а по-хорошему — чтобы штаны не снимать, но лечь на диване, свернуться клубочком и вести долгие разговоры про жизнь.

Но сворачиваться клубочком было некогда, и Волин приступил к разговору. К его удивлению, певица не стала никого обвинять.

— Вы знаете, у меня нет врагов, — сказала она, глядя на следователя большими миндалевидными глазами.

— Совсем нет? — удивился Волин. — Все-таки шоу-бизнес, соперницы, завистники...

Она покачала головой.

— Бог миловал, — сказала. — Да и кому я могу мешать? Я ведь не рэпер и не суперстар какая-нибудь.

Есть у меня миллион-другой поклонников, а мне этого и достаточно. На скромную жизнь хватает.

И, подумав, добавила:

— Да и вообще я в той квартире очень редко бываю. Я или здесь, или за границей живу. А на Никитском бульваре самый центр, шум, гарь, машины. Кто бы стал меня там подстергать? Так что, думаю, это просто случайность. Кстати, как себя чувствует эта бедная девушка?

Волин, не вдаваясь в детали, отвечал, что «бедная девушка» чувствует себя замечательно, и откланялся.

Нужно было теперь отправить криминалиста на место происшествия, чтобы подтвердить случайный характер падения балки, а после этого можно было с чистым сердцем рапортовать полковнику о закрытии дела.

* * *

Дело закрыли, но без работы старший следователь не остался — в производстве были и другие дела. Прошло дней десять, и Волин почти забыл о таинственных дневниках. Коробка с тетрадями тихо лежала у него дома на антресолях и есть не просила, а днечи, как сказано в Писании, довлеет злоба его. То есть думать приходилось о сегодняшних проблемах, а вовсе не о дневниках столетней давности.

Однако утром в субботу позвонил Сергей Сергеевич. В голосе его трепетало торжество.

— Расшифровал, — сказал он, — готово.

И потребовал, чтобы Волин немедленно приезжал к нему домой — читать.